

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Журан и сцена - 1995 - 26 янв. - 2 февр. - 9/15

Она завещала щесть ее после смерти, а пепел развезти в трех пунктах мира, которые были ее любовью, ее жизнью, где прах бы ее присутствовал, что ли, как дотоле присутствовала в этих местах она: 1) Сан-Франциско, где прожила она почти всю свою жизнь, работала многие годы в АйСи-Тетре (Континентал-театр); 2) Нью-Йорке, где она была, кажется, всегда, где не обходилась без нее ни одна премьера, встреча, любое другое театральное событие, сборище, инициатива; и 3) Москва, которая была ее любовью, местом паломничества, городом любимого ею русского театра, актеров, наших тоже премьер, дел, новостей, всех нас, ее русских друзей.

Началось все тогда, в начале 70-х, помните, когда была разрядка, детант, очередной порыв тепла в холодной войне, припадок вроде бы дружбы, дырочка в железном занавесе. В Москве появилась первая группа американских режиссеров, актеров, деятелей театра. Кто их собрал, завел, привез? Эдит Марксон.

Помню, едешь в Шереметьево встречать американцев, зима, морозы, все дымится, а они, конечно, высказывают без шапок, в нью-йоркских своих демисезонных пальтишках и курточках, одна Эдит в своей норке, шубе, макиаж, волосы уложены после долгого перелета, словно она только от куафера. И сразу вопросы, вопросы: как Олег, как Галина, как Эфрос, как

критиков, журналистов мы полетели в Хьюстон, — конечно, во главе с Эдит, все так же элегантно причесанной, все в той же знакомой шубе (была суровая зима в Нью-Йорке, градусов на шесть мороза, город пропал в снегу, в мусорных невывезенных мешках, даже со случаями отмороживаний и с холодом в гостинице).

В самолете забарахлило мое большое сердце, Эдит, не раздумывая долго, ушла в кабину пилотов, связалась с Хьюстоном, и когда мы прилетели, нас встречала одна машина из театра, где вечером — сегодня, сегодня вечером премьера «Эшелона», только успеть переодеться с дороги, — а другая машина из госпиталя, от знаменитого, великого хирурга доктора Де'Беки, который и сделал мне дня три спустя сложнейшую операцию на сердце: протезирование митрального клапана. Спасибо, доктор! спасибо, Эдит!

Ее великая любовь к России, русской культуре и особенно театру шла, возможно, от родителей, еще дореволюционных эмигрантов в США. Дура — было первое русское слово, которому выучилась она от матери: мать твердила, дура, учи русский, иначе ты лишишь себя счастья читать русскую литературу, слышать великий и могучий русский язык, русских книг, журналов, театра и просто самих русских. От России же, видимо, пошло ее молодое увлечение социализмом, но она не склонилась ни к нему, ни к бизнесу, как ее отец; а це-

ральной школой при театре. В 1976 году не без усилий и энергии Марксон удалось провести гастроль театра в СССР, — это была еще одна веха в становлении самого американского театра и в сближении его с нашим.

Эдит знала всех и ее все знали, ей удавалось заинтересовать своими идеями и программами вашингтонских сенаторов и чиновников из госдепартамента и наших цеховских из отдела культуры, и наших министерских, не говоря уже о режиссерах и актерах. Она доставала деньги, она убеждала, восемнадцать лет подряд каждый год туда-сюда летали советско-американские театральные делегации, у нас побывали самые знаменитые американские режиссеры Джозеф Папп, Джордж Уайт, Диана Экономус, многие артисты, художники, через ее фирму «ТАЙЗ», которая работала в самые трудные годы нашего застоя и холодной войны в контакте с Минкультуры, ВААПом и Всероссийским Театральным Обществом, у нас побывало более 140 театральных деятелей США.

Благодаря Эдит в Америке начали ставить наши пьесы, гастролеровали в США наши театральные труппы, установилась связь с О'Нилловским фестивалем молодых драматургов. Эдит расшевелила в пользу театра Фонд Форда и самого знаменитого Сореса: помню: как она познакомила меня с Соресом и мы часа полтора однажды бродили с ним в Нью-Йорке по Гринидж-

Эта удивительная Эдит Марксон

Ульянов, Симонов, Гончаров — и так далее? И знакомство, представление тех, кто с нею. Потом «Россия» или «Украина», или просто дом Майи Гордеевой, которая всегда была рядом с Эдит как переводчик и гид по театрам и людям театра Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси.

То же самое и в обратную, так скажем, сторону. Улетаешь в Штаты, а тебе в одну из последних минут, вместе с паспортом, который у нас, как тогда водилось, тянулся из ОВИРа чуть не до самой посадки в самолет, тебе вместе с паспортом сообщают: учти, ты прилетаешь в Вашингтон, а не в Нью-Йорк, и Эдит уже взяла тебе на вечер куда-то билеты. И действительно, в вашингтонском Холидей Энн, вечером, спустившись в рецепцию, вижу через гранд-стекло: подходит джип-автобусик, выпархивает из него Эдит, а там еще за стеклами — головы, головы. Это, Миша, делегация режиссеров из Чехо и Словакии, они тоже едут с нами, в Кеннеди-центр, сегодня Элизабет Тейлор играет «Лисички», ты ведь не видел «Лисички» с Элизабет?

В моей личной судьбе Эдит сыграла великую роль. Первое: знакомясь с новыми московскими спектаклями, она увидела в «Современнике» и во МХАТе «Валентина и Валентину» и сразу сказала, что вот это следовало бы поставить в ее родном театре в Сан-Франциско. И тогда же или чуть позже приехал Джорж Хастинг режиссер АйСиТи, посмотрел спектакли, Эдит нашла переводчика, и в 77 году мы с Олегом Николаевичем Ефремовым уже полетели во Фриско на премьеру «Валентины». Я еще в невыездных числился, ездил только в страны демократии, не дальше ГДР или Венгрии, а в капстраны еще не удавалось, — а тут нате вам, в саму Америку!

Ничего, полетели, хороший был спектакль, событие, впервые за тридцать лет ставили в Штатах советскую пьесу, а в порт впервые же за столько лет пришел советский лайнер «Михаил Лермонтов», — большая была радость, что говорить, и обоюдная. Тогда же Эдит свела нас с другими деятелями американского театра, какие-то спектакли посмотрели мы на Бродвее, видели «АКТ» Лайзы Минелли, были в гостях у Артура Миллера, Тенесси Уильямса, встретились с Олби.

Вторая история связана с «Эшелоном». Эдит посмотрела «Эшелон» в постановке Галины Волчек, столь же быстро пригласила директора театра Найну Венс, теперь уже из Хьюстона, и через госдепартамент, через театральную ассоциацию Марты Коней пригласила Галину Борисовну поставить «Эшелон» на американской сцене, с американскими актрисами. В январе 78 года я прилетел в Нью-Йорк, поучаствовал еще в каком-то совместном сов-американском симпозиуме, а потом с кучей легких на подъем американцев, режиссеров,

ликом отдалась искусству, театру. Гастроли МХАТа в США в 1965 произвели особое влияние, тогда многие деятели Америки захотели и задумались о создании своего национального театра наподобие русского.

В США не было еще региональных театров с постоянным репертуаром и труппой. Именно Эдит Марксон была одной из тех, кто создал такой театр в Сан-Франциско, — тот самый АСТ-Консерватори-театр, первый, а теперь остающийся одним из лучших в стране репертуарных театров с постоянной труппой, да еще теат-

Вилладж, обсуждая проблему: надо ли помогать нашей перестройке или это тоже не самое перспективное преобразование в России?

Мы наблюдали Эдит уже в почтенном ее возрасте, между 60-ю и 80-ю, и она всегда поражала собранностью, красотой, элегантностью, остротой ума и свежестью восприятия жизни и людей. Ее деловитость была мягкой и доброй, а красота и женственность так решительно соединены. У нее была решительная верность. На каком-то языке так приятно, верность в виде телефона, — Эдит была некой преподнеси торт фонной трубки в руках. Когда она разговаривала без телефона и надо было делить большой трехэтажный дом с мужем, так расставалась с прошлым, чтобы идти вперед, жить дальше, быть свободной, делать свое дело.

Потом мы видели ее живущей в чужой квартире в жестоком городе Нью-Йорке, пусть не в нужде, но и не в особом достатке. Виталий Вульф рассказывает (он дружил с нею и много общался в Штатах), как они обедали однажды в ресторане и не могли оба набрать достаточной суммы на обед, ограничились чаем. При этом Эдит любила всех угощать, принимать, находила тех, кто может сделать это, помочь ей быть хлебосольной и широкой, держать шик.

В 81 год у нее еще было много планов и новых идей.

Режиссер Боб Калфин привез коробочку с ее пеплом. Мы поставили эту коробочку так же, как это сделали в Сан-Франциско и Нью-Йорке, повесили большой красивый портрет Эдит и помянули ее и поклонились некогда не забывая. Мы — это Олег Ефремов, Олег Табаков, Марк Розовский, Галина Волчек, Виталий Вульф, Майя Гордеева, которая всегда была в Москве переводчиком Эдит и стала большой ее подругой за многие годы, Михаил Ульянов, Валерий Шадрин, Всеволод Давыдов, Валерий Левенталь, переводчица Татьяна Бутрова и другие московские, российские друзья этой замечательной Эдит Марксон. Побольше бы таких бесконечно и бескорыстно преданных театру людей.

Может быть, когда-нибудь там, где развезли пепел, пепел обратится в мрамор. «Проходит все, одно искусство не умирает никогда, так мрамор бюста переживает города» (Брюсов, кажется).

Мих. РОЦИН.

Марксон Эдит

2.2.95